

Вырезка из газеты

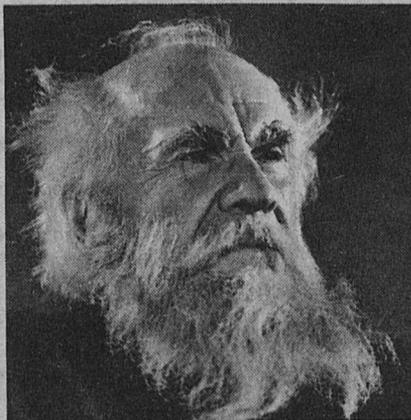
МОСКОВСКАЯ
ПРАВДА

г. Москва

з. 2100

23 ИЮЛ 1981

Художник и время

Есть ли
у таланта возраст?

В эту квартиру, расположенную в самом центре московской круговерти, словно не проникают городские шумы. Из окна видна старая церквушка, а здесь, в уютных комнатах, удивительно покойно. В кабинете старинное бюро, плещ на стене, цветы на подоконниках. Книжки с дарственными надписями на стеллажах, с толстые, книжки и фотографии с автографами М. Зощенко, С. Маршака, Ю. Завадского и других — вехи жизни одного из крупнейших артистов нашего времени Игоря Ильинского.

Вот и Ион Друцэ дарил свою книгу тогда, когда еще не родился замечательный спектакль Малого театра, когда в дружном сотрудничестве драматурга, режиссера-постановщика Бориса Равенских и всех участников лишь создавался на сцене образ Льва Толстого.

Трудно, бесконечно трудно постигать внутренний мир Толстого, играть художника, гения. И хотя, казалось, погруженность в круг идей и образов толстовского творчества, которая была от многолетней работы и участия в спектакле «Власть тьмы», должна была облегчить задачу, чем глубже проникал актер в тайники души писателя, тем, по его же признанию, становилось страшнее и мучительнее. Как душой ощутить и суметь выразить это трагическое противоречие совести художника с его жизнью?

А тема совести чрезвычайно дорога Игорю Ильинскому. Честность и совестливость, полагает он, — важнейшие человеческие качества. С молодой запальчивостью мой собеседник уверяет, что человек двоедушный, двуличный в жизни и на сцену неизбежно выносит эти качества. Душевная опустошенность художника оборачивается его профессиональным крахом, под грузом вранья талант иссыхает...

На рабочем бюро Ильинского — один из последних портретов Льва Толстого и слова его: «Так буду же всегда в любви со всеми и в делах, и в словах, и в душе всего в мыслях», сентябрь 1909 года.

...В отличие от большинства других актерских домов здесь ничто не напоминает о громкой славе его хозяина: нет ни афиш, ни фотографий в ролях... Висит на стенке эскиз декораций художника В. Рындина к спектаклю, осуществленному Ильинским, — «Ярмарка тщеславия». «С годами все дальше и дальше отходишь от «Ярмарки тщеславия», — говорит Ильинский. Когда-то он собирал все заметки, где даже просто упоминалось его имя. До сих пор в семейном архиве хранится первое упоминание о нем в печати — в 1918 году он сыграл в спектакле «Виндзорские проказницы» на сцене театра Оперы Советов Рабочих и Крестьянских депутатов одного из четырех шутов,

сопровождавших Фальстафа. Роль была без слов. Но когда в прессе появилось: «Хороши в ролях шутов ученики студии Ф. Ф. Комиссаржевского Ильинский, Тамиров, Кальянов, Кажанов», — радости его не было грани.

Популярность пришла к нему совсем рано, когда еще молодым артистом работал он в театре В. Э. Мейерхольда, когда снялся в кинофильмах «Закройщик из Торжка», «Праздник святого Йоргена».

— Признание, конечно, вещь приятная, — говорит Игорь Владимирович. — Это ведь признание нужности твоего искусства. И все-таки оно для меня не главное. Высшее удовлетворение испытываешь тогда, когда знаешь, что роль сыграна с отдачей всех сил, что твой персонаж выразил какие-то характерные черты или хотя бы черточки реальной жизни. И потом, слава — это всегда трудно. Ведь каждой следующей работой ты не имеешь права ее уронить. Слава обязывает... А внешняя популярность опасна. Например, выступая на эстраде, я нередко ощущал, что зритель ждет от меня только смешного. Но если бы я покорился этому зрительскому желанию, то потерял бы себя как художник.

За почти 60 лет жизни в искусстве И. Ильинским сыграно не так уж много ролей. Сам он не считает обилие ролей заслугой.

— Ведь зрителю все равно, смотрит он вашу десятую или сотую роль.

Игорь Ильинский являет собой, я бы сказала, уникальный образец актерской верности раз и навсегда выбранному авторам, пьесам, своим ролям.

Можно считать, что над Аркашкой в пьесе А. Н. Островского «Лес» Ильинский работает почти всю свою жизнь.

В 1924 году он сыграл его впервые в спектакле Мейерхольда. Герой здесь целиком был подчинен комедийной, даже эксцентрической стихии. А в 1938 году он дебютировал этой ролью на сцене Малого театра.

Высокая требовательность к себе и к другим в искусстве, стремление докопаться до корней привели Ильинского к режиссуре. Одним из его самостоятельных спектаклей стал опять-таки «Лес» на сцене Малого театра в 1974 году.

Так что теперь, как и 57 лет назад, Ильинский играет своего Счастливецца, только уже в собственной постановке.

А верность его гоголевскому «Ревизору», в котором он играл Хлестакова еще у Мейерхольда, еще раз в Малом театре, и тоже ставил спектакль заново, играя в нем уже Городничего?

Более двадцати лет играл он и своего Акима во «Власти тьмы». А само его теперь уже 43-летнее служение старейшему русскому театру — Малому — это ведь тоже показатель редко-

го в наше время актерского постоянства.

Особая страница его творчества — кинематограф.

Ведь это тогда, с «Праздника святого Йоргена», «Процесса о трех миллионах», «Закройщика из Торжка» стал он любимейшим актером многомиллионной киноаудитории — «Игорлинским», как единодушно окрестил его зрительный зал. Его кингерой тех далеких лет был одновременно смешон и трогателен, жалок и обаятелен. Актер беспощадно высмеивал обывательскую сущность своих персонажей и вместе с тем никогда не отказывал им в человечности и своеобразном лиризме.

А много позже он вновь привлекал к себе внимание широчайшей массы зрителей двумя сатирическими созданиями: Бываловым из «Волги-Волги» и Огурцовым из «Карнавальная ночь». Это были классические по своей узнаваемости фигуры, сразу ставшие нарицательными.

Идут годы. Игорю Владимировичу завтра исполняется 80. Но актер принципиально не собирается праздновать юбилей. Как свое семидесятилетие он отметил спектаклем «Возвращение на круги своя», так и сейчас он весь в новой работе. Давно мечтал, никогда не играл в чеховских пьесах, и вот решился поставить «Вишневый сад». Работа занимает его целиком.

— Чехов писал комедию и был против того, чтобы играли драму, чтобы были слезы, нытье, боялся полутонув и даже психологических пауз, о чем писал, говорил создателям мхатовского спектакля, — Игорь Владимирович не просто рассказывает о своей работе, он как бы думает вслух, ищет и к собеседнику обращается за ответом на мучающие его вопросы.

— Как играть эту чеховскую комедию? Вот уж где нужна абсолютная, чистая правда на сцене. Всякая демонстрация актерского мастерства здесь страшна. Должна быть жизнь, полная искренность. Ведь, кажется, что же здесь смешного? Продается сад, люди одиноко, личное счастье не клеится. Но — комедия... Наверное, ее следует искать в несовместимости человеческого идеала с жизнью.

Его многолетний друг, жена, Татьяна Александровна Еремеева работает над Раневской, Анненков — Гаев, Коршунов — Лопухин, Кенигсон — Епиходов, Бабятинский — Петя Трофимов...

Идет он по своему дому, молодой и, конечно же, не очень здоровый человек. Высокий лоб, венчик белых волос, густые брови, живые поблескивающие неискрающим озорством глаза. Жалуются, стал хуже видеть... Вот и походка стала медленнее... Но я знаю: откроется новый сезон, прозвенит за кулисами третий звонок, раздастся голос помощника режиссера: «Игорь Владимирович, на выход»... И как по мановению волшебной палочки уйдут старость и болезни, и на мужички крепких ног выйдут на сцену Лев Толстой или подпрыгивающей походкой выскочит Аркашка.

Такова власть сцены над артистом. Такова сила таланта.

Велика слава Ильинского. Он — живая история советского театра и кино. Но актер неизменно остается верен самому себе, своему жизненному девизу: «Смехом или слезами помогать со сцены добру и правде и ничего не делать против совести в искусстве».

Анна КУЗНЕЦОВА.
НА СНИМКАХ: И. ИЛЬИНСКИЙ; справа — в роли Л. Н. Толстого в спектакле «Возвращение на круги своя».
Фото И. Ефимова.